

РЮ 村上龍
МУРАКАМИ

ОТЕЛЬ
РАФФЛЗ

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Ryu Murakami
RAFFURUZU HOTERU

Copyright © 1987 by Ryu Murakami

Перевод с японского *Ильи Светлова*

Оформление обложки и закладки *Анастасии Зининой*

Мураками, Рю.
М91 Отель «Раффлз» / Рю Мураками ; [перевод с японского И. Светлова]. — Москва : Эксмо, 2027. — 256 с. — (Маскот. Путешествие в Азию с белым котом).

ISBN 978-5-04-247945-8

Рю Мураками — один из самых известных японских писателей второй половины XX века, лауреат премии Акутагавы и автор книги «Дети из камеры хранения». «Отель „Раффлз“» роман с элементами нуара о болезненной зависимости и одержимости.

Звонок из Японии. На следующее утро бывшего военного фотокорреспондента Тосимити Кария в холле отеля ждет актриса Мозко Хомма. Она хочет, чтобы он сделал ее совершенную фотографию. Тот самый окончательный снимок, в котором воплотится сама ее суть. Мозко сразу решает, что Кария станет не просто фотографом, а тем, кому будет позволено войти в ее тайный внутренний мир — в приморский городок, затерянный в глубинах ее сознания. Но чем глубже Кария погружается в этот мир, тем труднее ему понять, где заканчивается игра и начинается безумие. И тем яснее становится: совершенный снимок может оказаться последним.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Светлов И.М., перевод на русский язык, 2027
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-247945-8

Нью-Йорк. Тосимити Кария

Первый раз я встретил эту актрису в Нью-Йорке в 1986 году. В конце марта, как мне кажется...

Я был тогда в отпуске и приехал на пару месяцев на восточное побережье по приглашению Клауса Катцерманна, работавшего в ЮПИ.

Мы с Клаусом познакомились лет двадцать тому назад, еще будучи военными фотокорреспондентами. Он был спецкором ЮПИ, а я всего лишь безвестным фотографом, пытавшимся продавать свои негативы. Однако это не мешало нам то и дело встречаться в сайгонских барах, а потом разъезжать в одной машине по авеню Тудук и по автомобильному мо-

сту, где проходила линия обороны в январе 1968-го и во время второго наступления, в мае.

Говорят, дружба между мужчинами, которые вместе рискуют жизнью, куда крепче обычной дружбы — возможно, из-за того, что оба пережили одни и те же невзгоды, однако, на мой взгляд, здесь не все так просто.

Ну например, стоит мне встретить в каком-нибудь баре на Гиндза фотографа или журналиста, которые побывали во Вьетнаме, как тут же от радости и воспоминаний мне сносит крышу. Но скоро темы для разговора иссякают. Нет, не то чтобы нам нечего сказать друг другу, но вся эта обстановка — Токио, Гиндза — лишает наши военные истории какого-либо правдоподобия, и мне становится невыносимо скучно.

Я всегда чувствовал себя немного закомплексованным и полагал, что именно в этом и кроется причина моей тоски. Но как-то раз (помню, это было начало восьмидесятых, ибо тогда я занимался тем, что фотографировал всяких знаменитостей) я повстречал некоего С., все-

мирно известного военного корреспондента, и тот сказал мне, что и с ним происходит то же самое. И я понял, что это случается с каждым из нас.

— ...Ты понимаешь, когда я разговариваю с тобой... с тобой или с Т., ну, ты знаешь, из «Никкеи», или с Ю., что с телевидения... нам надо рассказать друг другу кучу всего... нет, не кучу... ну, по сравнению с моей теперешней жизнью, у меня такое впечатление, будто бы у нас целые горы воспоминаний, о которых необходимо поведать друг другу... а потом, когда я встречаюсь со своими старыми товарищами... ну, там, выпить, конечно, и поболтать... и сначала все идет как надо, а потом я вдруг чувствую, что внезапно трезвею, и такая тяжесть наваливается, тяжесть... Вот на что это похоже.

Я испытываю неприятное ощущение тяжести, стоит только кому-нибудь начать: «А вот помнишь всеобщее наступление?» или: «А помнишь ту девчонку, владеющую приемами там куан?», «Знаешь, это пайковое питание...». Не погрешу против истины, если добавлю, что

в памяти моей сразу же всплывают все эти Хюэ, Дананг, Кантхо, Тханьхоа, Бьенхоа, Митхо; я запомнил эти города вплоть до мельчайших подробностей, и все же иногда мне случается усомниться: а действительно ли я бывал в тех местах? И если я и соберусь снова в Камбоджу или куда-нибудь еще, то лишь для того, чтобы развеять эти странные сомнения и убедиться — ах да, конечно же, я был здесь!

Во Вьетнаме я знал Кэйити Савада, лауреата Пулитцеровской премии, Тайдзо Итинодзэ, недолгая жизнь которого уже стала сюжетом для фильма, пробивного Кэйдзабуро Симамото и еще тьму других фотографов и журналистов.

Я отработал там почти три с половиной года, но иногда мне удавалось свалить в Сингапур или в Гонконг, а во время первых парижских переговоров я вернулся в Японию, убежденный в скором окончании войны. И тем не менее я был одним из последних, кто покинул Вьетнам, в отличие от моих коллег, что бросились в Камбоджу, когда там началась заварушка.

Я, конечно, не имею в виду тех, о ком только что упомянул; многие журналисты и фотографы, приехав во Вьетнам искать неизвестно чего, с виду были спокойные, однако прямо-таки кипели внутри. Мне всегда казалось, что я единственный, кто не похож на них. Нет, разумеется, я ходил на передовую, чтобы затем продать мои снимки, но, как мне представляется, это чувство непохожести в большей степени было обусловлено моим буржуазным происхождением: мои родители были богатыми экспортерами из Йокосуки.

Мне немного стыдно признаваться в этом — ведь я ушел из дома именно из-за несогласия с образом жизни моих родителей, — но они неоднократно переводили на мое имя деньги из гонконгских банков.

Мне говорили: мол, незачем так терзаться, ты такой же военный корреспондент, как и мы... но все же только во Вьетнаме мне суждено было познать свой предел.

«Предел»... я не люблю этого слова, однако познание его является необходимым условием для того, чтобы стать взрослым;

это обязательная составляющая процесса роста. До Вьетнама у меня не было такой возможности. Когда я родился, моим родителям было уже за сорок, а коль скоро я оказался единственным сыном, то рос в атмосфере любви и на меня возлагались большие надежды.

На поле битвы невозможно скрыться от чего бы то ни было. Именно там я впервые встретился лицом к лицу со своими страхами.

Вернувшись домой, я сразу же открыл небольшую фирму. Один мой старый друг, окончивший Массачусетский технологический институт, искал себе партнера, так как не обладал достаточным капиталом. Идея заключалась в применении интересной технологии нанесения магнитных дорожек на кредитные карты, а поскольку в то время кредитки входили в моду, наша маленькая компания из четырех сотрудников приносила в год более миллиарда иен. А ведь термина «венчурный бизнес» в ту эпоху еще не существовало!

Четыре года спустя я основал инвестиционную компанию по внедрению и продаже новых технологий. Большая часть

банков еще не интересовалась ни инновациями, ни материалами, конкуренции почти не было, и благодаря опыту, приобретенному в предыдущей фирме, мои доходы неуклонно росли.

Наверное, своим успехом я обязан Вьетнаму. Однажды на американской базе в Бонг-Сон я увидел радар, который, несмотря на свои небольшие размеры, мог прощупывать площадь от Ханоя до Пекина. Я был потрясен такой технической мощностью.

— ...Этим парням (имелись в виду вьетконговцы) палец в рот не клади. Так что нам остается только положиться на науку, — заметил генерал, сидевший перед инфракрасным индикатором.

Как бы то ни было, боевой дух вьетконговцев в конце концов оказался сильнее «науки» американцев, но именно на фронте я всерьез заинтересовался новыми материалами и технологиями.

Когда моя фирма достаточно раскрутилась, я женился на самой обычной девушке с большими глазами, которая была на три года моложе, училась в Лондоне и играла на виолончели.

— Эй, у тебя есть шанс, — говорили мне солдаты, отправлявшиеся в отпуск в Японию. — Японки самые красивые и милые девушки в мире. Ты должен быть счастлив, что родился в таком цветнике.

Их представления о японках ограничивались официантками и массажистками из турецких бань. Иногда моя жена играла на виолончели, раздевшись донага, и я спрашивал себя, что бы сказали те солдаты из вьетнамских болот, если бы ее увидели.

Потом у меня родился сын. Как-то, фотографируя его, я вдруг почувствовал, что в моей душе произошел какой-то странный сдвиг. Первый раз я ощутил это в тот день, когда ребенку исполнился год. Мы делали барбекю в саду нашего дома в Аояма; была приглашена куча народу, включая родителей жены. Она уже собиралась уложить малыша в кроватку, которую мы купили в антикварном магазине Мотомати. Охваченный внезапным порывом, я бросился к выдвижному ящику, достал свою тридцатипятимиллиметровую «Лейку» и направил на сына объектив. И в этот момент я ощутил запах пороха.

Не знаю, может быть, этот запах исходил от фотоаппарата или же я ощутил его инстинктивно...

Той же ночью, впервые за много лет, я увидел во сне Вьетнам. Это был один из тех кошмаров, от которых вскакиваешь с кровати в холодном поту. С того самого дня я чувствовал, что внутри меня образовалась какая-то полость. Такая дыра не могла появиться в один момент. Что-то разъедало изнутри мое тело, как капли воды мало-помалу точат камень.

Это открытие привело меня на грань разрыва с реальностью. Стоило мне осознать это, как память моя стала извлекать на свет картины, о которых я старался не думать. Но тщетно я пытался избавиться от них; они всплывали снова и снова. Такое могло случиться со мной даже во время деловых переговоров — и между мною и моим собеседником сразу же возникала невидимая стена.

Я сказал себе, что это всего лишь легкий невроз. Потом поговорил об этом с женой, и та посоветовала мне снова заняться фотографией. «И не только ради того, чтобы снимать нашего сына, нет,

профессионально, ради заработка», — добавила она.

Я передал дела одному из своих подчиненных, которому полностью доверял, и начал делать фоторепортажи для небольшого журнальчика. Вскоре меня сделали ответственным в одном общественном издании, и тогда заказы буквально посыпались. Но если мне и удалось найти такую работу в те времена, когда предложение превышало спрос и даже бытовала такая поговорка: «Брось камень, и обязательно попадешь в фотокорреспондента», то только потому, что я не испытывал недостатка в деньгах. Где бы я ни появлялся — в издательстве ли, или же в редакции журнала, — на мне всегда был лучший костюм, и приезжал я всегда на самой дорогой машине. К деньгам я относился спокойно. Япония пережила послевоенный период; мне было достаточно приехать на «Феррари» или «Бентли», в новом, с иголки, костюме из лучшей ткани и сказать: «Я провел три года на передовой во Вьетнаме», а потом добавить: «Дело не в деньгах, а в самой работе» — это действовало безотказно.

В конце концов я стал снимать знаменитостей: актрис, финансовых тузов, писателей, автогонщиков — словом, представителей высшего света. При этом я использовал тот же метод, что и во время войны. Он был хорош тем, что выгодно оттенял общественное положение и звание фотографируемого, чем сразу привлекал значительную часть клиентов. Те, кто смог оценить по достоинству мою технику, стали обращаться именно ко мне, когда им нужно было сделать фотопортрет для какого-нибудь издания. Кроме того, они знакомили меня с другими знаменитостями — таким образом я сделал себе имя в этой профессии.

Помню, как жена однажды заметила:

— Ты прямо как Гоген.

Кажется, в то время наш сын уже ходил в первый класс.

— Ведь не так уж часто случается, что люди бросают свою работу, чтобы заняться фотографией, да? Вот и Гоген тоже оставил профессию биржевого маклера, чтобы стать художником.

— Но я с самого детства хотел стать фотографом, — возразил я. — И я вовсе

не думал, что стану заниматься тем, что делаю сейчас. Мне хотелось фиксировать на пленку события исторического масштаба.

— Но тебя очень ценят как портретиста, разве нет? Тебе что, не нравится твое занятие?

— Я не говорю, что оно мне не нравится. Если бы оно мне не нравилось, я бы этим не занимался.

— А что с тобой происходит, когда ты делаешь эти снимки?

— Ничего особенного.

— Это заставляет тебя вспоминать прошлое?

— Что, когда я смотрю в объектив?

— Да. Те, кого ты фотографируешь, — люди, добившиеся успеха, правда? А во Вьетнаме все было совсем иначе.

— В общем, да, я часто вспоминаю те времена.

— Трупы и все такое?

— Гм...

— То, что ты видел во Вьетнаме, и все эти знаменитости — все это не имеет между собой ничего общего.

— Я пытаюсь фотографировать в той же манере.

Мы долго так разговаривали, и я подумал про себя: мне приятно говорить с этой женщиной о таких важных вещах. Под конец она сказала, смеясь: «Когда я училась в Европе, я побывала во многих музеях, но больше всего мне понравились картины Гогена».

Благодаря тому, что я посвятил часть своей жизни фотографии, мой разлад с действительностью несколько уменьшился, но все же не исчез окончательно. Я свыкся с бездной внутри себя, я познал истинную природу ее.

«...Когда я увидел твою фамилию под снимком, запечатлевшим встречу экономистов в редакции токийского экономического журнала, то не поверил своим глазам. Ты еще не бросил свое занятие? Если будет время, приезжай ко мне в Нью-Йорк. Я купил бы у тебя негативы...»

Получив письмо Клауса, я тотчас же принял его приглашение, тем более что хотел поговорить с ним об этой самой «бездне».